

ТРАДИЦИОННАЯ ЖЕНСКАЯ РУБАХА В СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДАХ КАЗАЧЕСТВ РОССИИ

(вторая половина XIX – начало XX в.в.)

И.А. Баранкевич

В современной историко-этнографической и культурологической литературе женский костюм казачеств России, функциональное назначение которого многогранно, исследован недостаточно полно. Между тем роль костюма в семейных обрядах во второй половине XIX – начале XX вв. велика. Главные этапы в жизни казачки – рождение, бракосочетание, роды и смерть – отражены в знаковой специфике ее костюма.

Первой сшитой «человеческой» одеждой новорожденного у казаков была «крестильная» рубашка, которую одевали на ребенка во время обряда крещения. Она была знаком конфессиональной принадлежности нового члена общины. Такую рубашку шили «на руках», соблюдая старинный фасон «истой» или «христианской» рубахи [12; 184]. Уральские старообрядцы Средней Азии и сегодня, при крещении, надевают младенцу традиционную «уральскую» рубашку, которую после совершения обряда убирают и бережно хранят [12; 151].

Процесс изготовления традиционной рубахи был наполнен ритуальными магическими действиями, так как рубаха должна не только согреть, но и «отгонять силы зла, а душу – удерживать в теле» [13; 345]. Например, выкроенный ворот обязательно протаскивали внутрь будущей одежды. Движение «внутри» обозначало сохранение, накопление жизненных сил, а движение «наружу» – затрату, потерю [13; 345]. Правильный порядок действий был необходим, чтобы не навредить человеку беду.

Первую рубашку, а также, имеющих апотропейное значение, крест и пояс дарила младенцу его крестная мать. В кубанских станицах кума обычно «брала с собой в церковь первую рубашку для крестника и 1,5-3-метровый отрез материи», который могла украсить вышивкой. Такой же отрез ткани брал с собой кум. В черноморских казачьих станицах Кубани это полотно называли «крыжмо», в линейных и закубанских районах – «ризки», «подрязнички» [2; 89]. На «ризку» «крестные родители» принимали младенца из купели: кум – мальчика, кума – девочку. Впоследствии из «ризок» шили ребенку одежду: рубашки, штаны, платья [2; 89].

«Крестильную» рубашку ребенка в кубанских станицах хранили также, как и венчальную одежду родителей, на случай болезни младенца («младенского»): больного малыша накрывали рубашкой [2; 89]. Кроме того, если это была рубашка

первенца, ее надевали на всех, родившихся позже, детей семьи «на счастье». Казачки клали «крестильную» рубашку в гроб ее владельца при захоронении [2; 90]. Если младенец умирал до обряда крещения, то его мать должна была сшить рубашечку и подарить ее в церкви «крещаемому» ребенку от своего «дитяти» [2; 80].

Повсеместно в России детский возраст считался «глупым», неразумным. Детская одежда в ранний период не имела половых различий. Обычно дети ходили в одних подпоясанных рубахах, перешедших от старших братьев и сестер или перешитых из старой одежды родителей. Во многих областях России детям вообще не полагалось шить одежду из новой ткани [1; 57]. Соблюдая старинные традиции, дети до своего совершеннолетия летом в будни ходили в одной подпоясанной рубахе из льняного или конопляного полотна, а в праздники на девочку надевали сарафан или более новую рубаху. В начале XIX в. в сельской местности девочки до 15 – 16 лет ходили в одних рубашках, подпоясанные красным шерстяным поясом [5; 185]. В кубанских станицах девушки до замужества носили простой костюм, состоявший только из рубашки с поясом или фартуком [8; 251]. Значение этих традиций в XIX - начале XX в. было в значительной степени снижено социальной престижностью одежды и влиянием городской культуры.

Первую рубаху во многих областях России девушки должны были сшить себе сами [7; 6]. Рубахи являлись обязательной частью приданого невесты. На русском Севере в приданое входили не менее 10, а у богатых невест 30 – 50 вышитых рубах [6; 54]. Способы и виды орнаментации рубахи зависели от ее назначения, возраста и социальной принадлежности женщины, а также от трудолюбия и собственного вкуса мастерицы [15; 269]. Украшение рубах девочек и пожилых женщин были очень скромными. Девушки и молодые женщины носили наиболее яркие, украшенные вытканым и вышитым узором рубахи. Мотивы орнамента на вороте, подоле и рукавах были наполнены продуцирующими и оберегающими магическими символами. На переднем полотнище таких рубах у молодых женщин и девушек пришивались красные верхние грудные вставки – «пельки». А девочки и старухи носили рубахи с белыми «пельками» или, реже с узкой красной оторочкой. Если о женщине говорили: «Перестала красные пельки носить», то это означало, что она состарилась и уже не способна рожать [6; 57].

Подвенечный наряд женщины в разных казачьих регионах России имел свои особенности. Несмотря на значительное влияние во второй половине XIX – начале XX вв. в сельских районах городской моды, традиционная одежда казачек в обрядовой практике все еще сохраняла свою консервативность.

Еще в предсвадебный период невеста получала подарки от семьи жениха, состоявших в основном из одежды. У уральских казаков на «запое» будущий свекор дарил невесте отрез на рубаху и деньги [12; 185]. В обычае терского казачества на «лепешки» (через 7 дней после «рукобития») свекровь приносила и дарила невесте за поднесенные ею гостям стаканы с «чихирем» шелковый бешмет, рубаху и «ширинку» (головной платок) [3; 17]. Женская сорочка была основным подарком, который дарила невеста в день свадьбы свекрови [9; 24]. Мать жениха встречала молодых из церкви на пороге дома, надев эту сорочку [9; 42]. Обмен такими

подарками продолжался на всех этапах свадьбы, что способствовало породнению сторон и помогало молодой женщине войти в новую семью.

Подвенечной одежде невесты, и особенно рубаше, придавалось большое значение. Обрядовая рубаша шилась по-старинному «целошной», то есть без шва между верхней и нижней частями рубахи. Верили, что цельная рубаша охраняет невесту «от порчи, сглаза и лихих слов» [9; 181]. Сорочка для венчания вышивалась в особые «святые дни» три ночи: «христовскую» (Пасха), «ивановскую» (Ивана Купала), «петровскую» (Петров день) [14; 94]. Такой рубаше приписывали особую целительную и охранительную силу. Позже её использовали при тяжелых родах женщины, в обряде крещения младенца [9; 41]. Материнской «венчалной» рубашкой накрывали больного ребенка с целью излечения. На Кубани на больного младенца надевали такую рубашку, продевая его через ворот и, вытягивая через подол [17]. В начале XX в. оренбургские казачки с этой целью заимствовали подвенечную рубашку у соседней, если такая рубаха в семье не сохранилась [11; 226].

Особый интерес представляет ритуал обрядования невесты к венцу. По традиции венчалная одежда должна быть новой. Над ней совершались такие апотропейные действия, как сбрызгивание её священной водой или «наговоренной» водой, выворачивание наизнанку, втыкание в подол иглол и др. Эти действия совершали сваха, подружки, дружка. На свадьбе оренбургских казаков невеста, наряжаясь к венцу, разрывала на себе старую нательную рубашку от ворота до подола и сбрасывала её. Затем, крестясь, девушка надевала новую рубашку и далее по очереди все детали костюма [11; 226].

Традиционный костюм казачек Юга России представлял собой сплав восточнославянских, кавказских и восточных элементов, в которых прослеживается субэтническая культурная специфика отдельных казачьих регионов. В рассматриваемый период, наиболее консервативная женская одежда бытовала у локальных групп «староверов» – гребенских и некрасовских казаков. Их костюмы значительно отличались от северорусских комплексов казачеств Севера России.

Во многих традиционных комплексах российского казачества основу костюма составляла белая рубашка. Белый цвет сорочки является общеславянской традицией и имеет древние корни. Свадебный костюм невесты «гребенцов-староверов» имел свою специфику. Он формировался под влиянием костюма женщин Кавказа. Под венец невеста надевала «алую рубашку с длинными узкими рукавами, отделанными кружевами, черный или синий длинный шелковый кафтан...» [4; 326]. Костюм «некрасовцев» был очень своеобразен и представлял собой комбинацию элементов костюмов славянских, восточных и балканских народов. Свою праздничную рубашку некрасовская казачка кроила из яркого шелка с набивным рисунком [10; 70]. Отдельные части рубашки шили из разных тканей, поэтому рубаха и костюм в целом (также многоцветный) выглядит очень необычно и ярко рядом с традиционными комплексами восточных славян.

Характерной особенностью традиционной рубахи уральской казачки были очень широкие, пышные рукава. Богатые женщины шили рубахи с рукавами из золотой или серебряной парчи. Когда рубаху надевали в комплексе с сарафаном, рукава ее изготавливали из ткани более яркого цвета, чем сарафан [12; 150].

В сельских районах России было распространено поверье, что свою рубашку нельзя продавать. Продать её – «значит продать свое счастье». Русские верили, что по рубашке можно было «испортить» ее владелицу [9; 41]. Поэтому в первый день свадьбы, провожая молодых на постель, свахи, раздевали невесту и внимательно осматривали все части ее одежды и украшений, чтобы избежать нанесения «порчи». Затем на молодую надевали чистую рубашку [9; 43]. Эта рубашка после первой брачной ночи становилась центром внимания всей станицы. Крестная мать или сваха демонстрировала рубашку молодой жены со следами потерянной невинности всем гостям, пришедшим на свадьбу. Весь коллектив должен был убедиться в целомудренном поведении невесты до замужества [18]. В давние времена сохранять невинность до брака были обязаны оба супруга. Предъявляемые требования, видимо, имели значение не только для образовавшейся новой семьи, но и для стимулирования плодovitости скота, и для поднятия урожайности земледельческих культур. Поэтому в обряде принимали участие не только родственники, но и односельчане.

В донских, кубанских и терских станицах утром второго дня свадьбы, после предъявления доказательств невинности невесты, принято было украшать праздничный стол красной калиной, которая символизировала чистоту невесты, ставшей молодой женщиной. В станицах донских казаков всем гостям прикалывали гроздь калины [14; 314]. Гостям на кубанской свадьбе прикрепляли к одежде красные ленточки – знак невинности невесты [16].

Погребальную или смертную одежду шили еще при жизни и хранили отдельно от другой одежды. Этот обычай был широко распространен в прошлом и продолжает бытовать в наше время. Изготавливая «смертную» одежду, использовали специальные приемы кройки и шитья. При крое полотна не пользовались ножницами, а рвали его. Шили способом «от себя» вперед иголкой. Направление этого способа было противоположным обычному способу шитья. Иногда «смертную» рубашку не заканчивали, а некоторые детали доделывали уже после смерти. Одежду на покойного одевали, соблюдая правила обратного направления от положенного направления для живого человека [9; 86]. Хоронить могли и в той рубашке, в которой человек умер. Или клали эту рубашку с ним в гроб, а на него надевали новую одежду [9; 85]. В кубанских станицах пожилые женщины и сейчас хранят себе «на смерть» традиционные белые вышитые сорочки [16].

Роль традиционной рубашки в обрядах жизненного цикла женщины очень велика. Она являлась первым и главным элементом её костюма, обладающим охранительной, целительной и продуцирующей силой.

Постепенная трансформация традиционных комплексов казачек под влиянием городской моды уменьшила значимость важнейших элементов костюма, упростив их форму и способ изготовления. Традиционный женский костюм, вытесненный из повседневного быта городской модой, в конце XIX – начале XX в. (в локальных группах и в наше время), в главных своих элементах – рубашке и головном уборе – оставался обрядовым, неся очень важную семантическую информацию.

В настоящее время традиционная бесполовая рубашка бытует в качестве повседневной и праздничной одежды среди всех возрастных групп в общинах уральского казачества, проживающего в Средней Азии. Местные женщины и девочки

надевают традиционную рубашу с сарафаном в особых случаях: в праздничные дни, на похороны, поминки, на моления [12; 151]. В традиционные комплексы с рубашой наряжаются в праздничные дни и казачки хутора Новонекрасовский Приморско-Ахтарского района Краснодарского края.

Литература

1. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – нач. XX вв. (Половозрастной аспект традиционной культуры) / Т. А. Бернштам. – Л., 1988. – 227 с.
2. Богатырь, Н. В. Крестильные обычаи и обряды восточнославянского населения Кубани в конце XIX - первой половине XX вв. / Н. В. Богатырь // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. – М.: «Индирик», 2001. – С.79 – 103.
3. Гребенец, Ф. С. Из быта гребенских казаков / Ф. С. Гребенец // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 40. – Тифлис, 1909.
4. Заседателева, Л. Б. Терские казаки (сер.16 – нач.20 вв.). Историко-этнографические очерки / Л. Б. Заседателева – М., 1974.
5. Зеленин, Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских / Д. К. Зеленин // Избранные труды, статьи по духовной культуре, 1901 – 1913. – М., 1994.
6. Исенко, С. П. Русский народный костюм и его сценическое воплощение: Учебное пособие для вузов культуры и искусств / С. П. Исенко. – М., 1999. – 144 с.
7. Лаврентьева, Л. С. «По одежке встречают»: семиотические функции одежды. / Л. С. Лаврентьева // Живая старина. 1996. № 3. С.4 – 6.
8. Лебедева, А. А. Дон и Северный Кавказ (область войска Донского, Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния) / А. А. Лебедева // Крестьянская одежда населения европейской России (XIX - XX в.) : Определитель. М., 1971. – 364 с.
9. Маслова, Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - начала XX вв. / Г. С. Маслова. – М., 1984.
10. Новак, Л. А., Фрадкина Н. Г. «Как у нас-то было на Тихом Дону». Историко-этнографические очерки. / Л. А. Новак, Н. Г. Фрадкина. – Ростов-на-Дону, 1985.
11. Новикова, О. В. Традиционная одежда оренбургского казачества в конце 19 – начале 20 вв. / О. В. Новикова // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника АРКАИМ. – Челябинск, 1996.
12. Сагнаева, С. К. Материальная культура уральского казачества 19 – начала 20 вв. (развитие этнических традиций) / С. К. Сагнаева. – М., 1993.
13. Семёнова, М. Мы – славяне!: Популярная энциклопедия. / М. Семёнова. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 560 с.
14. Шангина, И. И. Русские девушки. / И. И. Шангина. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 352 с.
15. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – Москва, Издательство «Наука», 1987. – 559 с.
16. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 1996г. (ПМ КФЭЭ-96). Тихорецкий район (р-н), станица (ст.) Новорождественская. Аудиокассета (АК) № 970. Информатор (Инф.) Куликина А. А. (1913 г.р.).
17. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст.Фастовецкая. АК № 1005. Инф. Бравкова Е. Е.
18. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Архангельская. АК № 1062. Инф. Демченко Е. Н. (1920 г.р.), Конюхова В. И. (1921 г.р.).